

3. Володенков, С. В. Политическое брендингирование в современной России / С. В. Володенков // Вестник Московского университета. – М., 2010. – Сер. 12. Политические науки. – № 6. – С. 23–30.

4. Ворошилова, М. Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению: моногр. / М. Б. Ворошилова. – Екатеринбург, 2013. – 194 с.

5. Эльбрюнн, Б. Логотип / Б. Эльбрюнн. – Спб.: Издательский дом «Нева», 2003. – 127 с.

(Дата подачи: 11.12.2017 г.)

Н. В. Ляхович-Петракова

Белорусский государственный университет, Минск

N. V. Liachovitch-Petrakova

Belorussian state university, Minsk

УДК 323.2

ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ: ОТ ВНЕШНИХ ФАКТОРОВ К ПОИСКУ ВНУТРЕННИХ ОСНОВАНИЙ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

POLITICAL PARTICIPATION RESEARCHES: FROM EXTERNAL FACTORS TO SEARCH FOR INTERNAL BASES OF POLITICAL BEHAVIOR

Статья посвящена исследованию развития политического участия как категории политической науки. Выявлены связи между становлением политических систем и ростом интереса к изучению политического участия. Выявлены особенности исследований политического участия на разных этапах. Выявлены методологические ограничения исследований участия в политике, связанные с возникшим в начале XX века социологическим подходом. Обоснована идея перехода к анализу внутренних, психологических оснований исследования политического участия.

Ключевые слова: политическое участие; факторы политического участия; методология политической науки; история политологических исследований; выборы; психологическое объяснение политического участия; эмоциональная регуляция.

The article is devoted to the study of the development of the category of political participation in political science. The links between the formation of political systems and interest in the study of political participation are revealed. The features of research of political participation at different stages are revealed. Methodological limitations of research on participation in politics, related to the sociological approach that arose at the beginning of the 20th century, were revealed. The idea of transition to the analysis of internal, psychological bases of research of political participation is grounded.

Key words: political participation; the factors of political participation; the methodology of political science research; the history of political science research; elections; the psychological explanation of political participation; emotional regulation.

Категория «политическое участие» относится к числу часто используемых в политической науке. Уже на протяжении нескольких веков демокра-

тизация общества, снижение избирательных цензов, расширение доступа граждан к принятию политических решений делают этот феномен одним из наиболее интересных. Все более актуальным становится исследование причин и факторов, обуславливающих вовлеченность граждан в политику. Объект исследования в данной статье – политическое участие как социальное и политическое явление. Предмет исследования – динамика развития исследований, объяснительные модели политического участия на различных этапах становления политической науки.

Первые попытки осмысления феномена политического участия начали предприниматься с возникновением опыта демократического участия в Древней Греции. Аристотель отмечал: «лучше всего безусловное понятие гражданина может быть определено через участие в суде и власти...» [1, с. 445]. В период Эпохи Возрождения тема политического участия была ключевой в рамках концепций гражданского гуманизма. Можно выделить флорентийское и венецианское направления в концепциях гражданского гуманизма. Их специфику обусловили социально-экономические и политические особенности городов (Венеция – купеческий город, Флоренция – город ремесленников). Флорентийские мыслители (Л. Бруни, М. Пальмери, А. Ринуччини) отстаивали идею расширения политического участия. Апеллируя к трудам Аристотеля, они говорили, что принимая участие в политике, люди получают возможность совершенствовать свою природу. Венецианцы, напротив, сомневались в том, что человек, участвуя в политике, проявляет свои хорошие качества. Венецианец Ф. Гвиччардини, обосновывая идею ограничения участия граждан этапом обсуждения политических проблем, отмечал: «С народом, который полон потрясений, путаницы и многих дурных свойств, только и можно ожидать, что он приведет все к потрясению и гибели» и т. д. [2, с. 49]. Размышляя о политическом участии на этом этапе, мыслители больше обращали внимание на категорию должного, анализировали смысл и значимость участия как такового. Таким образом, в этот период был задан аксиологический смысл исследования феномена, который будет прослеживаться и в более поздних исследованиях.

До периода буржуазных революций, интерес к политическому участию находился скорее в плоскости философского обсуждения, нежели научного анализа. Буржуазные революции и последовавшее за ними расширение доступа граждан к процессу принятия политических решений создали возможности для эмпирического исследования.

Развитие массового общества в XX веке, изменение роли государства в жизни гражданина в сторону увеличения ответственности государства обусловило появление запроса на научное исследование участия граждан в политике. Автором одного из первых исследований является основоположник электоральной географии Андре Зигфрид. В работе «Политическая карта западной Франции при третьей республике» Зигфрид и коллеги проанализировали политическое участие в регионе на протяжении нескольких поко-

лений и пришли к выводу о том, что можно выделить четыре группы факторов, влияющих на участие граждан в выборах: внешняя среда, особенности страны, социальная структура, религиозные предпочтения. Электоральное поведение определяется объективными условиями: географическими, политическими, культурными, экономическими. Данный подход получил название «экологической школы». Важную роль в его развитии сыграл Ф. Гогель, изучавший влияние социально-структурных особенностей, например, на политическое поведение [3, с. 52].

В середине 50-х гг. XX века экологический подход подвергся критике. Р. Арон критиковал его за сведение всех факторов к природным и смешение методов общественных и естественных наук [4, с. 55]. Однако логика, сформулированная Зигфридом, состоявшая *в поиске внешних факторов, оказывающих влияние на политическое поведение*, на длительное время стала определяющей в исследовании политического участия. На протяжении практически всего XX века исследователи изучали, как факторы, характеризующие особенности среды, влияют на политическое участие.

Исключение составил бихевиоральный подход, благодаря которому термины «политическое поведение» и «политическое участие» вошли в арсенал политической науки и стали использоваться для обозначения участия граждан в избирательном процессе.

В основе бихевиорализма лежала позитивистская методология, для которой важны принципы фиксации фактов и методики их обработки. Основная масса исследований ставила цель сбор и анализ информации об участии граждан в выборах. В рамках бихевиорального подхода была накоплена фактическая информация. Однако его эвристическая ценность и вклад в понимание механизмов участия граждан в политике были невысоки: не были предложены приемлемые для анализа и прогнозирования модели объяснения политического участия.

Период после второй мировой войны принес в политическую науку проблемы, которые показали, что важен не только сбор фактов, но и их осмысление, анализ и прогнозирование политических процессов. В результате категория политического участия приобретает новую сферу использования: в рамках теории политических систем и вышедших из нее теорий модернизации, и далее в рамках концепций демократии.

До середины XX века ограниченность доступа к процессу принятия политических решений объяснялась наличием специфических черт у лиц принимающих решения. Во второй половине XX века теории демократии начинают использовать политическое участие как главный фактор, объясняющий доступ граждан к принятию решений. Так Й. Шумпетер ввел понятие «социальная страта», определив ее как граждан, которые готовы принять участие в политике и своей вовлеченностью обеспечивают конкуренцию политической элите. В рамках концепций неозолитизма элитарность общества объяснялась особенностями политического участия: граждане не

стремятся участвовать в политике, поэтому «демократия – правление народа, но сохранение демократии возложено на плечи элит» [5, с. 24]. Такое изменение акцентов в понимании политики во второй половине XX века придало проблеме участия граждан высокую идеологическую и *ценностную значимость*.

До середины XX века политическое участие рассматривалось как вторичное по отношению к политическим институтам. Считалось, что его характер обусловлен особенностями функционирования политических институтов. Во второй половине XX века происходит смена парадигмы анализа: не система определяет характер политического участия, а особенности поведения граждан формируют тип политической системы. Специфика политического участия начинает рассматриваться как детерминанта организации политических систем. Например, основу теорий модернизации составил системный подход, где вовлеченность граждан в политику – важная функция входа политической системы. Доступность политических институтов для граждан – критерий открытости политической системы. С. Хантингтон [6] использует понятие «политическое участие» для объяснения демократизации.

Во второй половине XX века появляется потребность в выявлении механизмов вовлечения граждан в политику, анализе того, что и как заставляет гражданина участвовать в политике, или напротив, избегать этого.

Несмотря на рост значимости проблемы, принципиальных изменений в логике исследования политического участия не произошло. На протяжении второй половины XX века попытки осмыслить политическое осуществляются так же в рамках парадигмы, заданной Зигфридом: ученые продолжали искать взаимосвязи между особенностями окружающей среды и характером поведения избирателей.

В рамках социологического подхода С. Липсет, П. Лазерфельд, С. Роккан, Р. Майлн выявили связь между участием в выборах и такими характеристиками, как социальная принадлежность и социальный статус [7]. П. Лазерфельд отмечал, что «выбор избирателей определяется не сознательными политическими предпочтениями, а принадлежностью к большим социальным группам, степенью проявления солидарности индивида с группой» [8, р. 45]. Люди голосуют так, как голосует их ближайшее окружение. Такое поведение избирателей получило название – экспрессивное.

В 60-е гг. XX в. С. Липсет и С. Роккан для характеристики механизмов политического поведения и политических предпочтений ввели понятие социальный раскол (cleavage) [9]. Политическое поведение определяется близостью к социальным расколам: местам, где контактируют группы, обладающие противоположными социальными характеристиками (цветом кожи, уровнем доходов, отношением к собственности).

В 70-е гг. XX в. С. Верба и Н. Най в работе «Участие в Америке» установили связь между политическим участием и социальными характеристиками: в политике активнее участвуют мужчины, представители высшего и

среднего классов. Пожилые люди, безработные, женщины, люди с низким уровнем образования проявляют меньшую активность. К факторам, повышающим политическую активность, они отнесли также молодой возраст и высокий уровень образования [10].

Таким образом, исследователи социологического направления рассматривают избирателей скорее как продукт социальной среды: выявив особенности среды, исследователь получает объяснение электорального поведения.

«Мичиганская модель» электорального участия, сформулированная в 50-е гг. XX века, акцентировала внимание на имеющих отношение к политике, но все также социологических характеристиках. Главным фактором, определявшим политическое участие, была партийная идентификация. На первый взгляд она не характеризует социальную среду. Однако опосредованно партийная идентификация является производной от влияния социального окружения. Через социальное окружение происходит политическая социализация, обуславливающая тип и степень вовлеченности личности в политику.

Визитной карточкой мичиганской модели стал прием объяснения электорального поведения: «воронка причинности». Воронка причинности представляет собою систему факторов, которые последовательно обуславливая друг друга, формируют модель, объясняющую причины политического участия. Непосредственно на характер политического поведения влияют установки граждан в отношении политических кандидатов, политического курса и представлений о групповых «выгодах». На формирование установок влияют ценностные ориентации и лояльность индивида группе, которые, в свою очередь, определяются партийной идентификацией. Таким образом, структура партийной системы задается лояльностью большим группам (региональным сообществам, классам). Эти группы формируются под влиянием противоречий, в основе которых лежит экономическая структура, исторические традиции, социальная дифференциация. То есть задаются социальными факторами.

Позже модель воронки причинности неоднократно трансформировалась. Так М. Шэнкс и У. Миллер указывали, что электоральное поведение определяется демографическими характеристиками: образование, место жительства, род деятельности, круг общения и т. п. Ф. Паппи обращает внимание на институциональный дизайн, особенности национальных традиций [11, с. 270]. В качестве главного объяснительного инструмента в мичиганской модели используется влияние социального окружения.

В политике участвуют конкретные люди. Человек не только продукт социальной среды, но личность со своими особенностями мышления и эмоционально-волевой регуляции. Анализ социальных факторов дает возможность прогнозировать поведение больших групп людей, но не отвечает на вопрос, что заставляет конкретную личность принимать участие в политике, выбрать ту или иную модель политического поведения.

Одна из попыток объяснить мотивы личности была предпринята в 50-е гг. XX века, когда в рамках экономической теории демократии.

Сторонники экономической теории демократии основывались на принципах теории рационального выбора К. Эрроу, Э. Доунса и М. Олсона, и экстраполировали логику экономического поведения на сферу политического участия. Избиратель – свободный индивид, рассматривается как рациональный актор. Вводится допущение, что избирателям доступна информация о политике и они могут ее анализировать. Э. Доунс, Г. Тэллок, В. Райкери [12] обосновывали идею, что индивид стремится реализовать свои интересы «максимизируя выгоды» и участвует в политике при условии, что польза для него превышает издержки. Политик, как продавец, предлагает программу. Избиратель выражает предпочтения, аналогично покупателю на рынке. Политика – рынок, где на основе рационального выбора избирателя действуют законы спроса и предложения (М. Швери) [13].

Вне зависимости от того, что анализирует избиратель, принимая решение (сравнивает «варианты решения проблем, которые предлагают различные политические силы») (Х. Химмельвельт) со своей позицией или оценивает *прошлую деятельность правительства и то*, «как им жилось при данной администрации» [14, с. 44] («теория ретроспективного голосования» М. Фиорины [15]), он действует рационально.

Несмотря на то, что речь в рамках экономической теории демократии шла о логике поведения отдельного избирателя, подход имел дело скорее с идеальными моделями, нежели с исследованием конкретных людей. Рассматривая гражданина как существо исключительно рациональное, экономическая теория демократии не давала ответа на вопрос, почему различные люди по-разному участвуют в политике или не участвуют вовсе. Эта особенность была отрефлексирована в рамках самой теории. Знаменитая формула Э. Доунса, оценивающая вероятность участия гражданина в выборах, в конечном счете, приводит к идее о том, что гражданами движет не идея максимизации пользы, а лояльность политической партии. То есть не рациональный мотив. Что возвращает исследователя к необходимости использовать инструментарий социологического подхода. Либо ставит вопрос о поисках новых объяснительных моделей, которые позволили бы понять причины активности индивида в политике. Но уже не как продукта социального окружения и не как исключительно рационально-действующий механизм.

Конец XX века ознаменовался активизацией развития исследований в сфере политической психологии. Одним из важных направлений стал вопрос об эмоциях, которые мотивируют граждан участвовать в политике, поддерживать ту или иную партию. В работе «Интеллект и политическое суждение» [16] Дж. Маркуса и его коллег обосновывается идея, что избиратель не только думает, но и чувствует. Данный подход открывает новые возможности для более глубокого понимания мотивов электорального поведения.

Наиболее цитируемым исследованием в этом направлении стала работа Дж. Глассера и П. Саловая «Аффекты в электоральной политике» [17]. К сожалению, она в большей степени является обзором исследований проблемы эмоций в политике, их влияния на общественное мнение, и мало объясняет особенности влияния эмоциональной регуляции на политическое поведение. С другой стороны, конец XX века ознаменовался в смежных с политологией дисциплинах ростом численности исследований влияния эмоций на выбор политической идентификации [18], роли эмоционального интеллекта в политике [19], а также отдельных исследований избирательных кампаний с точки зрения эмоциональной регуляции [20]. Последние десятилетия исследования в рамках политической психологии все в большей степени обращаются к поискам эмоциональных и даже физиологических факторов, объясняющих причины политических установок и политического выбора. В частности, в ряде исследований рассматривается связь между тревогой и особенностями политического поведения [21]. Анализируется связь чувства отвращения и партийной идентификацией, анализируется влияние уровня кортизола в крови на голосование на выборах [22]. Направление развития исследований позволяют сделать вывод, что исследования политического участия вышли на новый этап: этап поиска внутренних эмоциональных, психологических оснований электорального поведения.

Подводя итог обзору исследований политического участия, можно сделать вывод, что на смену социологической парадигме исследования политического участия, где эмоциональные аспекты поведения личности как фактор политического поведения практически не рассматривались, приходит психологическая парадигма. Политическая психология накопила достаточный инструментарий, чтобы обратиться к выявлению не внешних факторов, а внутренних истоков политического поведения, психологических, эмоциональных факторов политического участия.

Список использованных источников

1. *Аристотель*. Сочинения / Аристотель. – М.: Мысль, 1983. – Т. 4. – 830 с.
2. *Гвиччардини, Ф.* Сочинения / Ф. Гвиччардини. – М., Академия. – 1934. – 550 с.
3. *Желтов, В. В.* К вопросу об анализе электорального поведения / В. В. Желтов, М. В. Желтов // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2011. – № 3 (12). – С. 48–63.
4. *Боброва, Д. Н.* Социальные факторы управления поведением молодых избирателей в региональных выборах: 22.00.08 / Д. Н. Боброва. – СПб, 2016. – 184 л.
5. *Дай, Т.* Демократия для элиты. Введение в американскую политику / Т. Дай, Л. М. Зиглер. – М.: Юридическая литература, 1984. – 320 с.
6. *Huntington, S. P.* Political Order in Changing Societies / S. P. Huntington. – New Haven, 1968. – 300 p.
7. *Lazarsfeld, P.* An episode in the history of social research / P. Lazarsfeld // Perspectives in American history. – 1968. – 272 p.
8. *Berelson, B.* Voting A Study of Opinion Formation in a Presidential Campaign / B. Berelson, P. Lazarsfeld. – Chicago. – 1954. – 395 p.

9. *Lipset, S. Party Systems and Voter Alignment* / S. Lipset S., S. Rokkan S. – New-York, 1967.
10. *Verba, S. Participation in America* / S. Verba., N. Nie. – New-York, 1972. – 330 p.
11. *Панни, Ф. У. Политическое поведение: мыслящие избиратели и многопартийные системы* / Ф. У. Паппи // Политическая наука: новые направления / под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингеманна. – М.: Вече, 1999. – С. 262–280.
12. *Баталов, Э. Я. Проблема демократии в американской политической мысли XX века* / Э. Я. Баталов. – М.: ПрогрессТрадиция, 2013. – 670 с.
13. *Швертс Р. Теория рационального выбора: аналитический обзор* / Р. Швертс // Социологический журнал. – 1995. – № 2. – С. 43–56.
14. *Himmelweit, H. T. How Voter Decide*. Milton Keynes / H. T. Himmelweit, P. Humphreys, M. Jaeger. – Chicago: University of Chicago Press. – 1991.
15. *Fiorina M. Economic Retrospective Voting in American National Elections* / M. Fiorina // American journal of political science. – 1978. – Vol. 22. – № 2. – P. 426–443
16. *Marcus, G. E. Affective Intelligence and Political Judgment* / G. E. Markus, R. Neuman, M. Mackuen. – Chicago: University of Chicago. – 2000. – 193 p.
17. *Salovey, P. Affect in electoral politics* / P. Salovey, J. Glaser // Personality and Social Psychology Review. – 1998. – Vol. 2. – No. 3. – P. 156–172.
18. *Bogdan, A. A Test of affective intelligence in Romania* / A. Bogdan // CEU Political Science Journal. – 2013. – Vol. 8. – Issue 1. – 30 p.
19. *Johnston Ch. D. Emotion and Political Judgment: Expectancy Violation and Affective Intelligence* / Ch. D. Johnston, H. Lavine, B. Woodson // Political Research Quarterly. – 2015. – Vol. 68. – No. 3. – P. 474–492.

(Дата подачи: 26.02.2018 г.)

Ю. И. Малевич

Белорусский государственный университет, Минск

Y. Malevich

Belarus State University, Minsk

УДК 327(8)

ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОТИВОРЕЧИЙ В ОТНОШЕНИЯХ ЕС И КНР В XXI ВЕКЕ

TENDENCIES OF FORMING CONTRADICTIONS IN EU-PRC RELATIONS IN THE XXI CENTURY

В статье рассмотрены ключевые аспекты препятствовавшие формированию отношений ЕС и КНР в начале века, их истоки и пути преодоления. Противоречия, касающиеся проблем гарантии прав человека, эмбарго на поставки вооружений и дисбаланса торговых отношений, представляют основные дестабилизирующие тенденции.

Ключевые слова. ЕС; КНР; двусторонние отношения; права человека; торговый дисбаланс; ВТО.

The article considers the key aspects that prevented the formation of relations between the EU and the PRC at the beginning of the century, their origins and ways of overcoming.